

ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ
ИМЕНИ Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Джозеф Кэмпбелл

ПОЛЕТ ДИКОГО ГУСЯ

ИЗЫСКАНИЯ В ОБЛАСТИ МИФОЛОГИИ

Издательская группа
«Альма Матер»
Москва, 2023

Издательство
«Альма Матер»
Москва, 2023

УДК 141.319.8+7.046

ББК 28.71+82.3(0)

К98

Наблюдательный совет

серии «Методы антропологии»

*Д.А. Функ, О.Ю. Артемова, К.Л. Банников, Б. Грант, Е.С. Данилко,
Д.А. Трынкина, Э. Уигет, Е.И. Филиппова, В.И. Харитонова*

Перевод выполнен в рамках сотрудничества
с Переводческим факультетом Московского государственного
лингвистического университета (ФГБОУ ВО МГЛУ)

О переводчике:

*Валентин Игоревич Фролов, кандидат филологических наук,
доцент кафедры переводоведения и практики перевода
английского языка*

Переводческого факультета МГЛУ

Кэмпбелл Дж.

К98 Полет дикого гуся. Изыскания в области мифологии /
Пер. с англ. В.И. Фролова. — М.: Издательская группа «Аль-
ма Матер»; Издательство «Альма Матер», 2023. — 241 с. —
(Методы антропологии).

ISBN 978-5-904993-91-7

В сборник «Полет дикого гуся» (1969) известного исследователя мифологии Джозефа Кэмпбелла (1904–1987) вошли шесть очерков и эссе, написанных им с 1944 по 1968 годы. Сборник начинается с разбора трудов братьев Гримм и их методов сбора и публикации сказок. Его продолжает анализ Кэмпбеллом роли общества в формировании символов в мифологии и поэзии, а затем и идеи о толковании мифов людьми «двух психологических типов». Завершается сборник изложением концепции Кэмпбелла о секуляризации сакрального.

Книга будет интересна специалистам в области истории антропологии и фольклористики, а также широкому кругу читателей, которые готовы попасть под обаяние заманчиво простых, хоть и не всегда верных идей популярного мифолога.

УДК 141.319.8+7.046

ББК 28.71+82.3(0)

© Трынкина Д., предисловие, 2023

© Фролов В.И., перевод, 2023

© Издательская группа «Альма Матер»,
оригинал-макет, оформление, 2023

© Издательство «Альма Матер», 2023

ISBN 978-5-904993-91-7

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1970 году фольклорист Джон Гринуэй так подвел итоги в своей рецензии на книгу Джозефа Кэмпбелла (1904–1987):

Нельзя сказать, что «Полет дикого гуся» — это плохая книга. Совсем нет. У нее есть несколько серьезных достоинств. Во-первых, в ней полностью игнорируются работы профессиональных специалистов по мифам — фольклористов. Во-вторых, в ней изложены самые актуальные мистические воззрения на миф, так что, если вы прочитаете эту книгу, читать другие нет необходимости. Разве можно представить лучшую рекомендацию? *

Гринуэй отличался любовью к эпатажу, порой весьма сомнительному, однако в данном случае подобная ирония была почти оправдана: к началу 1970-х годов Кэмпбелл заслужил себе звание ведущего специалиста по мифам (среди неспециалистов по мифам), и подобные нападки представителя академического сообщества были сродни бросанию мелкой гальки в памятник, поставленный человеку при жизни.

Книга «Полет дикого гуся» вышла в 1969 году и представляла собой собрание статей и выступлений Джозефа Кэмпбелла с 1944 по 1968 год, составленное им самим. В то время Кэмпбелл преподавал в колледже Сары Лоуренс. «Мифы, в которых нам жить» (1972) и «Сила мифа» (1988), где в полную силу раскрылось убеждение Кэмпбелла в том, что мифы должны сыграть решающую роль в жизни каждого, были закончены им уже по выходе на пенсию. К 1980-м годам слава Кэмпбелла среди широкой публики как самого авторитетного ученого-мифолога достигла своего пика. Он даже получил собственное ТВ-шоу. Зрители были в восторге: харизматичный и мудрый профессор, на

* *Greenway J. Review: The Flight of the Wild Gander: Explorations in the Mythological Dimension by Joseph Campbell // American Anthropologist. New Series. Aug., 1970. Vol. 72. № 4. P. 865 [P. 864–865].*

экране Кэмпбелл казался благожелательным ко всем и легко посвящал зрителей в самую суть загадочной науки о мифах. Слава Кэмпбелла и при жизни, и после смерти гремела по всем Соединенным Штатам Америки и за их пределами. Среди его поклонников отметились Джордж Лукас, Чак Паланик и Джим Моррисон, а его ключевая фраза «Следуйте за своим счастьем» (“Follow your Bliss”) стала рефреном жизни для миллионов.

Можно легко заметить, что подобная слава скорее характеризует проповедника или лидера нью-эйдж-движения, а не академического ученого. Кэмпбелл, кажется, был вполне доволен таким развитием событий: не зря же он в своих работах либо полностью игнорировал коллег-современников, либо подвергал их воззрения резкой критике. Однако возникает вопрос, кого же в таком случае он рассматривал в качестве авторитета?

Кэмпбелл неоднократно ссылался на концепцию Адольфа Бастиана об «элементарных идеях» (Elementargedanken): тот полагал, что на заре развития человечества возникли некие общие идеи или символы, которые впоследствии тем или иным образом трансформировались в «народные идеи» (никакой конкретики о том, как эти идеи возникают, Бастиан не предоставлял). Бастиан полагал, что эти «элементарные идеи» нужно вычленять из культуры разных народов, однако, используя для критики эволюционизма идею «психологического единства человечества», он не принимал во внимание, что в разных культурах содержание символов формируется в разных контекстах*.

* Как писал антрополог Уэстон Ла Барр, символ нельзя *найти* в природе, его *изобретают* люди, и почему они не могут изобрести схожие символы, реагируя на один и тот же бренный мир? Что бы ни означало «психологическое единство человечества», оно не подразумевает, что единое содержание символов должно быть отштамповано в единой модели мышления (по крайней мере, все достижения сравнительного языкознания говорят об обратном). Если бы «элементарные идеи» действительно существовали, их существование нельзя было доказать методом Бастиана, поскольку, подбирая на его основе кажущиеся схожими символы, мы в итоге с самого начала должны будем принять на веру его правоту. *La Barre W. Reply: Elementargedanken Noch Einmal? // American Anthropologist. Aug., 1955. Vol. 57. № 4. P. 862–863.*

Сама теория Бастиана появилась в XIX веке, практически на заре развития науки, и какой бы передовой она ни была для своего времени, к 1969 году эта концепция насчитывала уже практически столетнюю историю и была неоднократно раскритикована. Кэмпбелл пытался приписать приверженность этим идеям классику антропологии Францу Боасу, чьи лекции он слушал в Колумбийском университете, однако Боас хоть и был учеником Бастиана, к квазимистической концепции об «элементарных идеях» относился настороженно и считал ее одним из изъянов в методологии своего учителя*, и это сомнение передал своему ученику Алфреду Крёберу**.

Использовать идеи Бастиана в качестве концептуальной модели во второй половине XX века — это означало практически расписаться в оторванности от научной традиции. Впрочем, Кэмпбелл сам неоднократно рассказывал, что идеи о мифе, вдохновившие его на всю жизнь, пришли к нему, когда во время Великой депрессии он жил в изоляции в хижине в лесу. Сам Кэмпбелл вырос в католической семье и, видя параллели между христианскими верованиями и верованиями индигенных народов Америки, полагал, что они не могут быть случайностью или результатом независимого исторического развития. Это убеждение Кэмпбелл пронес с собой сквозь года, считая, что в мифах главным являются сходства, а не различия; что все мифологии мира связаны; что миф нужно интерпретировать символически и вне исторических рамок; и что религиозные системы сами не знают значения собственных мифов.

У Кэмпбелла было литературоведческое образование (в Колумбийском университете он получил бакалаврскую степень по английской литературе в 1925 году и два года

* См., например: *Saunders B. Not a Cultural Relativist: The Legacy and Burden of Franz Boas // Saunders B., Zuyderhoudt L. The Challenges of Native American Studies: Essays in Celebration of the Twenty-fifth American Indian Workshop. Leuven University Press, 2004. P. 115 [P. 107–125]; Pöhl F., Tilg B. Franz Boas — Kultur, Sprache, Rasse: Wege einer antirassistischen Anthropologie. LIT Verlag Münster, 2009. P. 15.*

** *Jackson J. P., Depew D. J. Darwinism, Democracy, and Race: American Anthropology and Evolutionary Biology in the Twentieth Century. London: Taylor & Francis, 2017. P. 54.*

спустя — магистерскую по средневековой литературе, так и не написав PhD)*, однако мифы, о которых он писал, относились к сфере фольклористики и антропологии, о которых он имел опосредованное представление. Вероятно, именно эта добровольная и не очень научная изоляция заставила его обратиться к идеям Бастиана, которые он принял за чистую монету, увидев, что на них ссылаются в своих работах об архетипах Карл Юнг (который, однако, разработал свою концепцию в 1910-х годах, и Бастиан с тех пор оставался в ней в качестве базиса). Тем не менее даже спорную юнгианскую парадигму Кэмпбелл использует не совсем корректно: он интерпретирует миф путем выявления в нем архетипов (и останавливается на этом), тогда как Юнг полагал, что это всего лишь первый шаг и далее необходимо проанализировать значение этих архетипов в том или ином мифе, понять, почему в жизни того или иного человека конкретный миф значит столь много. Для Юнга анализ концентрировался на человеке, а не на мифе, а для Кэмпбелла архетипы, кажется, являлись достаточным объяснением. Религиовед Роберт Сигал указывает, что Кэмпбелл редко анализирует мифы полностью: обычно он игнорирует сюжет и вместо этого «выявляет» архетипы или некое значение, заложенное изначально, на заре времен. Кэмпбелл полагал, что знания «первобытных» людей значительно превосходят знания их потомков, которые утратили все их наследие. Как здесь не вспомнить энциклопедическую традицию эпохи Просвещения и Шарля Монтескье с его благородным дикарем!

Более того, анализ Кэмпбелла является циклическим:

Он [Кэмпбелл. — Д. Т.] заявляет, что миф служит для выявления единства всего сущего, но миф может исполнять эту функцию, только если все сущее действительно едино. Откуда он знает, что оно едино? Потому что в мифе так сказано! Мы должны верить мифу, потому что миф достоверный. Когда другие специалисты обращаются к психологии, социологии, истории и другим

* А еще изучал два года старофранцузский и санскрит в Парижском и Мюнхенском университетах.

наукам для того, чтобы истолковать миф, Кэмпбелл полагает, что миф может объяснить сам себя и сам себя обосновать. Например, вместо того чтобы использовать историю для анализа мифов о первобытном матриархате, он использует мифы для того, чтобы вытянуть из них исторические факты о матриархате. Миф, провозглашает Кэмпбелл, всегда прав. Почему? Потому что это миф*.

Подобно ученым XIX века Кэмпбелл разделял позицию романтизма: мифы для него — это не способ объяснения физического мира, а способ самопознания. Метафизический контекст мифа в его трактовке апеллирует к откровению о природе реальности, и сны, ритуалы, искусство, идеология и наука становятся не альтернативами мифу, а его вариантами. Сам Кэмпбелл полагал, что мифы поддерживают цивилизации, моральные системы, жизненную и творческую силу. Этим широким подходом к толкованию природы мифа вполне объясняется непонимание Кэмпбеллом терминов, которые он использует. Он называет мифами всё (включая даже ритуалы), не осознавая того, что за каждым термином закреплено определенное значение. Алан Дандес, один из самых известных фольклористов нашего времени, указывал, что проблема известной концепции мономифа Кэмпбелла в первую очередь состоит в том, что она базируется не на мифах, а на легендах и сказках. Сам Кэмпбелл, кажется, не видит разницы между этими фольклорными жанрами: он использует в качестве примера сказку о Красной Шапочке, которую ни один фольклорист не мог бы назвать мифом. Более того, само использование этой сказки для иллюстрации того, что притча об Ионе во чреве кита является универсальным мотивом — это формальная ошибка. Помимо того, что в сказке действует не кит, а волк, Кэмпбелл очевидно работал не с фольклорными источниками, а с авторским пересказом Шарля Перро: в указателе сюжетов фольклорной сказки Аарне–Томпсона–Утера подобный тип сюжетов идет под номером 333, и во многих из

* *Segal R. The Romantic Appeal of Joseph Campbell // Christian Century. April 4, 1990. P. 332–335 // URL: <https://www.religion-online.org/article/the-romantic-appeal-of-joseph-campbell>*

них героиня в нем вообще не проглатывается волком, напротив, сюжет концентрируется вокруг ее хитроумной уловки, позволяющей этого избежать.

Проблема с записыванием всех источников в мифы и безразличием к авторским/фольклорным жанрам остается и в дальнейшем: так как сам Кэмпбелл еще в университете посвятил свою магистерскую диссертацию артурианскому циклу, он часто к нему обращался, однако, не отдавая себе отчет в том, что сюжеты оттуда — это легенды, а не мифы. Более того, в своих работах он пересказывает поэму «Тристан» Готфрида Страсбургского и роман «Парцифаль» Вольфрама фон Эшенбаха — это авторские произведения эпохи Средневековья, и в лучшем случае их можно назвать литературными легендами, но никак не мифами*.

Однако даже анализ классических мифов у Кэмпбелла вызывает вопросы. Для начала, он использует только те мифы, которые ложатся в его концепцию, а о существовании других никак не упоминает. Те же, которые ему подходят, он вырывает из исторического и культурного контекста и значительно искажает их содержание, переставляя акценты и предлагая собственную трактовку вместо древнегреческой. Мэри Лефковиц, специалистка по классической литературе, указывает, что в сюжете о Телемахе, сыне Одиссея, Кэмпбелл представляет путешествие последнего как обряд перехода от детства к взрослению, тогда как в самом мифе на этом акцент никак не ставился: Телемах узнает о заслугах своего отца в ходе путешествия, и, как хороший сын, остается верным ему до конца, и на этой сыновней почтительности строится образ его как положительного персонажа. Кэмпбелл допускает и фактические ошибки: он пишет, что Телемах отправился к богу Протею, чтобы узнать, где его отец, хотя на самом деле Телемах никогда этим не занимался, — с Протеем общался его друг Менелай, но задавал ему вопросы не о судьбе Одиссея, а о том, как вернуться домой.

Точно так же Кэмпбелл перетолковывает миф о Тиресии: это миф о горькой судьбе провидца, чьи пророчества всег-

* Dundes A. Folkloristics in the Twenty-First Century (AFS Invited Presidential Plenary Address, 2004) // The Journal of American Folklore. Autumn, 2005. Vol. 118. № 470. P. 394–396 [P. 385–408].

да сбываются, и сбываются к горю всех участников событий. Тиресий всегда говорит правду и всегда приносит страшные вести, в его фигуре воплощается трагизм фатализма и невозможности противостоять воле богов. Однако Кэмпбелл выворачивает миф о нем наизнанку и убирает оттуда всю трагедию: для него самое важное в образе Тиресия — это то, что он был и мужчиной, и женщиной. Для древнегреческой культуры это просто вводный эпизод к получению дара пророка от богов (после спора о мужчинах и женщинах Гера ослепляет Тиресия, а Зевс из сострадания дарует ему провидение), а для Кэмпбелла это становится самой сутью его дара: Тиресий может знать и видеть все из-за того, что был и мужчиной, и женщиной, и это — высшее благо. Любопытно, что подобная психология сексуальности — это видение XX века, и в классической культуре на подобные моменты самопознания акцент просто не ставился. Сама эта идея уже относится к эпохе романтизма, и сейчас мы являемся ее наследниками. Кэмпбелл не улавливает этого анахронизма, приписывая подобный мотив античным мифам, и, по сути, он, подобно викторианским фольклористам, полагает, что сами изучаемые народы не знают истинного смысла своих мифов, и нужно им об этом рассказать. Отказывая древним грекам в знании собственных сюжетов, Кэмпбелл навязывал своим читателям трактовки, свойственные западной культуре XX века.

Из этой же культуры Кэмпбелл и почерпнул свою идею о Великой богине, и из всех черт его «универсального» паттерна мифов, именно она показывает всю культурную ограниченность видения Кэмпбелла. Этот образ, очень далекий от репрезентации божеств, которым действительно поклонялись во втором тысячелетии до нашей эры, скорее является проекцией идеальной европейской (или американской) домохозяйки 1950-х годов, целью самого существования которой считались забота и поддержка, более того, главной ее задачей является помогать мужчинам и вдохновлять их. Однако на деле греческие и римские богини только изредка напрямую вмешивались в человеческую жизнь, например, чтобы помочь любовнику или сыну. Все богини обладали своими собственными уникальным чертами характера,

и разительно отличались друг от друга и пользовались независимостью от мужских божеств. Им поклонялись не из-за того, что они любили своих детей, а потому, что они были могущественными, — Афина, к примеру, использовала гром и молнию Зевса, когда ей это было нужно. В своем исследовании мифологии Кэмпбелл жаловался, что, несмотря на то, что существовал период, когда преобладали культы богинь, они были подмяты гегемонией мужских божеств под предводительством Зевса. Он пишет, что патриархальная религия таким образом понизила статус женщин в мифах до «простых вещей». Однако в своей собственной мифологии (имеющей к греческой мало отношения) Кэмпбелл точно так же низводит роль богинь до невест и матерей, а их черты — до биологических половых. Женское начало для него важно именно в физическом плане: архетипная богиня для Кэмпбелла занимает пассивную позицию дарительницы неких благ, и он воспевает именно телесные качества женщины, а не ее сильную волю или решительность*.

В целом, разумеется, подобная критика создает впечатление элитаристского дискурса, в котором слово имеют только академические ученые, а к остальным относятся с некоторым пренебрежением. Но суть этого предисловия в другом: многие универсалистские модели апеллируют к широкой публике своей простотой и стройностью схем, хотя, по сути, являются колоссом на глиняных ногах, и эти глиняные ноги — это искажение источников, укладывание их в прокрустово ложе, чтобы они укладывались в данную теоретическую схему. Благосклонному читателю стоит помнить слова Клода Леви-Стросса о том, что истинно научный анализ должен соответствовать фактам, отвечать критерию простоты и иметь объясняющую силу, и в конечном итоге ко всем этим критериям в концепции Кэмпбелла возникают вопросы.

Не стоит забывать, конечно, что именно Кэмпбелл привлек внимание к фольклористике, и очень многие абитуриенты впервые узнают об этой научной дисциплине из

* *Lefkowitz M. R. Mythology: The Myth of Joseph Campbell // The American Scholar. Summer 1990. Vol. 59. № 3. P. 430–433 [P. 429–434].*

его трудов, и множество заявок на программы об изучении фольклора подается именно благодаря ему. В книжных магазинах благодаря его трудам появляются целые полки, посвященные фольклору и мифологии, и многие фольклорные фестивали и конвенции начали свою историю благодаря Кэмпбеллу: например, “Mythic Journeys”, которая начиналась как перформанс в его честь, и вот уже двадцать лет проводится в качестве ивента о роли мифа и сторителлинга в современном мире.

«Полет дикого гуся» Джозефа Кэмпбелла впервые переводится на русский язык, и мы рады представить его всем читателям, которые снисходительно взглянут и на небольшой критический этюд в начале. В конце концов, что все вышесказанное как не ворчание и бросание гальки в памятник? Знакомьтесь с эссе и выступлениями Кэмпбелла и следуйте за своим счастьем!

Дарья Трынкина
21 мая 2023 г.